

ОТ РЕДАКЦИИ

Прекрасная актриса Алла Николаевна Майкова. Один из ярчайших фильмов советской эпохи с ее участием — «Агония» — пролежал на полке много лет. Совсем недавно ушел из жизни главный герой «Агонии» непревзойденный Петренко... Алла Николаевна когда-то на страницах «Юности» подробно рассказала о съемках и о судьбе этого фильма.

А еще Алла Николаевна много лет играла в Ленинградском театре комедии и снялась во множестве кинолент, среди которых «Враги», «Дульсинья Тобосская», «Не стреляйте в белых лебедей», «Мать Мария», «Гардемарины, вперед!» и другие.

Майкова пишет стихи, прозу, ведь она из великого рода Майковых, ее прямой предок — Василий Майков, чья комическая поэма «Елисей, или Раздраженный Вакх» привлекала внимание нескольких поколений российских читателей века восемнадцатого. А новая встреча с творчеством Аллы Майковой ждет тебя прямо сейчас, дорогой читатель.

* * *

Не подкатывайтесь... Не надо.
Я — блудница, но в прошлом...
Привет.
На тропинках заросшего сада
Затерялся пленительный след...

А дружу, как всегда, с красотой.
Богом посланный солнечный свет
Я под снежную лютой зимою
Принимаю, как майский букет.

4 января 2003 года, Москва

УШЕДШИМ ПОЭТАМ

Золотым иль серебряным слитком
Век есть век.
Высоты одоленье попыткам
И проблемам — бессрочный забег.

Не в названье — в значении мера
Тех мозгов, что пронзают миры.
Приговоров, оценок химера
Обуздать их не смогут пиры.

До их душ не дотянуться. Вольно,
Что прознали у Бога приют. —
Отдыхают уютно, прикольно.
Только отдыха мне не дают.

Зацепив словом скорбную душу,
Выжав каплю слезы. Кончен срок!
Расщепили несносную стужу.
Ледяной разгромили острог!

2010 год, Москва

Анне Ахматовой

Соловей любви! Тебе страданья
Бог дарил, чтоб души наши греть.
Светлый дар любви и покаянья
Не пропев, не смела умереть.

Богоданны дней, ночей ненастья.
Ты любила. Ты сама — любовь!
И омывшись горем, звездным счастьем,
Затопила наши души, кровь.

И в себе тебя оберегая —
Страсть и Гений с Вечною душой,
Дивная! По звездам пробегая... —
Ты сияешь самую большой!

1999 год, Москва

В. Высоцкому

И задохнулась... память о Тебе
Открыла сердце будничному шоку
И закачалась на твоей волне
До гнева, до безумия высокой.

И обалдела от гигантских сил
Мощнейшей обработки матерьяла...
И, что услышал, видел — ты кроил
Лепил, стягал —
Бессмертья покрывало.

Росток голодных, жестких лет и бед,
Космической волной заколыханный,
Ранимый, нежный — проскочив сквозь бред
Законников тупых и окаянных
Сквозь мрак решеток, мерзость прозябанья,
Народа честь, гнев отрицанья,
В дых, в сердце, в душу проливая свет,
Страны Великой угадав завет,
Твой буйный штиль — земное покаянье
Бессмертием Тебя дарил в ответ!

25 июля 2000 года

ОТ РЕДАКЦИИ

А вот очень ценные детские воспоминания Аллы Майковой. Почти все военные и малость послевоенных. Именно ребенок так выхватил Войну — ту Великую Отечественную — выхватил навсегда из жизненной ленты. Зачастую такое спонтанное, немудреное ви-

дение страшнее и важнее иной исторической правды. В таком видении боль, ужас и красота. Да, красота величия и великодушия русского солдата. Красота, которая воистину спасла мир.

Алла Майкова с мамой, Курск.
Марии 23 года, Алле 4,5 года

ВСПОМНИЛОСЬ...

Мне было два года, когда я взбиралась на стул, а с него на комод, на котором стоял красный патефон, и так же, как это делала мама, крутила его ручки и из многих пластинок, похожих друг на друга, точно выбирала нужную мне и наслаждалась романсом: «Уйди! Совсем уйди! Я не хочу свиданий. Свиданий без любви и ласковых речей».

А выходя гулять во двор в солнечное летнее утро, сидела на лежащий в лопухах у забора булыжник и пела: «Ах, сколько, сколько раз я плакала, рыдала на каменной скамье».

Этот булыжник в моем воображении был — каменной скамьей.

Да сих пор помню романсы в исполнении неповторимой Изабеллы Юрьевой.

И ЕЩЕ ПОМНЮ...

Лето. Мы, дети, играем на облюбованном нами крыльце соседнего кирпичного дома.

Нам нравится кирпичный дом. Наши — деревянные, привычные. А главное — крыльцо. Игрушки наши на лавочке, на ступеньках крыльца. С нами мамы моих подружек. Моя мама тоже подойдет. Мне два года.

Вдруг взрослые заволновались, глядя в сторону начала улицы.

— Немцы, немцы... — встревоженно произнесли они и притихли, глядя на шагающих четким шагом по тротуару трех немцев.

Дети тоже, оставив игрушки, смотрели на них.

Немцев я видела впервые.

Вдруг они остановились у соседнего дома. Глядя на нас, что-то сказали друг другу, а потом:

— Ком, ком, — говорит один из них, подзывая кистью руки кого-то из стоящих у крыльца.

Рисунок Настасьи Поповой

Рисунок Марины Медведевой

— Галя, иди... — подтолкнула в сторону немцев свою четырехлетнюю внучку бабушка Гали.

— Но, но, — категорическим жестом руки остановил ее немец.

И ласково:

— Ком, ком...

— Алла, тебя зовут. Иди, иди... — обратилась ко мне бабушка Гали.

Я сделала шаг, второй — немец улыбнулся. Я, как обычно, была чистенькая, с большим белым бантом на голове. В этот день в синем крепдешинном платье с белым воротничком, белые носочки, сандалики.

Семья и даже соседи считали меня красивой. Всем нравились мои большие зеленые глаза.

Я подошла к ним. Немец, подзывавший меня, улыбался, дал мне плитку шоколада и сказал: «Кляйн!»

Два других немца вежливо также вручили по плитке шоколада, которые не помещались в моих крошечных ручонках. И я прижала их к тельцу. А немцы, вмиг посерьезнев, строго зашагали по тротуару мимо детей и взрослых, стоящих у крыльца кирпичного дома.

И еще дважды, когда мы играли на крыльце, а эти три немца проходили по улице, они останавливались, крайний справа от меня говорил «Ком, ком»... Я знала, что он зовет меня, уверенно шла к ним. И они, улыбаясь, говоря «Кляйн», давали мне шоколад.

А потом со строгим видом четким шагом продолжали идти по улице.

А я, прижимая шоколад к тельцу, чтоб не уронить, возвращалась к крыльцу. Взрослые, освободив меня от него, распределяли шоколад между детьми.

Этих трех немцев я больше не видела. Из дома никто не выходил. Даже взрослые. Взбираясь на стул, что стоял у окна, я видела, как по улице проезжали немецкие маши-

ны, шагали в несколько рядов строем по дорожке и группами по тротуарам другие — страшные немцы...

Записано летом 2012 года, Курск

ЛЕТО ЖУТКОГО ГОДА

Детям разрешают иногда поиграть на облюбованном крыльце. На скамейке, ступеньках его просторно, уютно. Нам от двух лет до четырех. Вечером приходят соседки посидеть, поговорить. Мы играем рядом.

Но вот слышится гул, и все смотрят на небо в сторону нарастающего звука. Оно пока чисто, свободно, но все ждут... и на горизонте появляются точки, гул приближается. Точки превращаются в крупных птиц, и вот уже видно, что это — самолеты.

Вместе со взрослыми мы считаем: «Раз, два, три, четыре, пять, шесть...»

— Летят вокзал бомбить, — привычно произносит одна из женщин.

Все не отрывают глаз от распухшей железной стаи. А я представляю: как это бомбить? Что бомбить? Самолетов много, а вокзал один, маленький, и каждый день — бомбить... Наверное, он все-таки большой, наш Курский вокзал...

Едва самолеты пролетели над нами, а уже показались новые точки, и увеличиваются, превращаясь в огромную летящую жуть. Гул пролетевших соединяется с ревом пролетающих над нами... Земля дрожит.

Наконец они исчезли.

Вечер померк. Дети притихли. Все расходятся по домам.

Записано в 2005 году

Рисунок Настасьи Поповой

ПАМЯТЬ ДУШИ

Чувствую, как меня поднимают с кровати на руки, укрывают одеялом, проносят через комнаты в коридор, в котором быстро ходят люди, хлопает входная дверь, мечется свет керосиновой лампы. Вой сирены.

— Погасите лампу! — говорит кто-то.

Я проснулась совсем. Вспомнила, понимаю, что это — воздушная тревога. Значит, будут бомбить. И вижу, что я на руках своей тети, а не мамы. Вглядываюсь в темноту коридора, в суетящихся людей... не вижу ее. И ужас возможного несчастья, беды ошеломил меня.

— Мама! Где мама? Маму убили?.. — кричу я.
— Не убили. Жива, жива мама, она во дворе, — успокаивает меня тетя, спускаясь по лестнице, стараясь удержать меня, вырывающуюся из рук, рыдающую. Дверь распахнулась — мы во дворе. Мамы во дворе нет.

— Убили, убили, маму убили... — кричу я.

— Жива мама, жива... она в окопе, — пытается успокоить тетя, стараясь не вронить меня, выкручивающуюся из ее рук, показывая на бегу вглубь огорода. Туда бежали и соседи с детьми.

По двору пробегают военные...

— Немцы, немцы... — испуганно показываю на них.

— Это не немцы, это мадьяры... Не бойся, — не останавливаясь, объясняет тетя, путаясь ногами в картофель-

ной ботве, проваливаясь в рытвины огорода.

И вот она взбирается на бугор окопа и — скатывается с него. Следом за нас сыплется земля... И в окопе я маму не вижу.

Безутешно плачу...

— Не плачь... Она вон в том окопе, — показывает тетя на соседний огород. — Она не может сейчас прибежать к тебе... она тебя видит... не плачь...

Луч прожектора мельком осветил протоптанную картофельную ботву, сломанные кусты смородины... А я пытаюсь рассмотреть соседний огород... Не вижу ни окопа, ни мамы, но поверила, что она жива, что она спряталась в окопе и после бомбежки придет ко мне. И плачу от невыносимой тоски души в маленьком тельце. Ведь мама самая любимая! И невозможно, невозможно, чтоб ее не было!

— Мама, мама... — причитаю я, следя сквозь слезы за движением прожекторов в небе, которые вдруг пересеклись, зажав, захватив немецкий самолет. Огонь зениток... Взрыв!

И земля разверзлась, поглотив зло, и вернулась в пламени очищения, даря надежду радующимся в окопе женщинам и детям:

— Сбит! Еще один самолет сбит!

В оформлении использованы рисунки автора

КОНЧИЛАСЬ!

Ночь. Сквозь сон слышу:

— О-ой, о-о-ой... кончилась, — вопит бабушка Наташа, и голос Левитана из радио, включенного на всю громкость.

Свет электрической лампочки резанул глаза. Бабушка, повиснув на плече дедушки Ивана Андреевича, стелет:

— Ко-ончила-ась! Война кончилась!

Дедушка вытирает слезы с своего лица ладонью, кулаком.

И вдруг они быстро идут к двери коридора, распахнули ее, потом к окну и, резко отдернув штору, открыли окно. На улице темновато — серо. Но я вижу бегущих по улице и по двору людей. Выбегающих со всех дверей домов, углов, дворов, закоулков... Все бегут к Красной площади. И я поняла — война кончилась! И наспех надев сандалии, платьице, побежала со всеми.

На Красной площади уже половодье народа. Играют духовые оркестры, аккордеоны, гармошки, пляшут, проходят парадом... Счастливые, ликующие люди обнимают друг друга... И слезы, слезы счастья!

Детей поднимают на руки, качают, обнимают, целуют...

И мы — дети, как росточки, пробившиеся сквозь бумажник, глядя снизу на счастливые лица взрослых, почувствовали своими макушками воздух жизни. Счастье жить!

А через месяц вернулся с войны мой отец.

Записано 1 мая 2010 года, Кутузово

ВАСЯ, ВАСЕЧКА...

Зима. Сумерки быстро гасили день. Я одна в доме. Родители на работе. Мне шесть лет. Всего половина четвертого, а надо включить свет.

Я подошла к окну кухни. Все бело под снегом... О Господи! Васька, наш поросенок, роет носом снег. Причмокивая его, он направился к крыльцу дома, подойдя, потыкал его носом и пошел по дорожке, что ведет к калитке.

— Как он выбрался? — недоумевала я и увидела, что дверь сарая приоткрыта.

Надо же загнать его в сарай. Быстро надеваю валенки, пальто, платок и выхожу во двор, захватив хворостину из коридора. Ею мама загоняла в сарай погулявших свиней. И заглянула в сарай, чтобы убедиться, цела ли свинья... Машка лежала в закуте на соломе, уткнувшись в

нее носом. Корова вздыхала, отдыхая. Куры дремали на насесте.

А Васька, уже пройдя дорожку, носом открыл дверь калитки, которую я забыла закрыть на крючок после прогулки, и пошел по тротуару в сторону школы.

— Вася, Васечка... — бежала я за ним, а он бежал от меня.

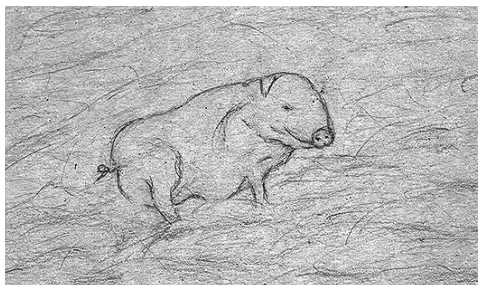
У домов снег расчищали, а когда он добежал до угла улицы, ступив на дорогу, остановился, застряв в снежном завале. Но он настырно стал рыть, расшвыривать снег своей толстой рожей.

Я догнала его. «Васечка, Васечка», — пыталась развернуть его в сторону нашей улицы. Но он, преодолев сугробы дороги, пошел дальше, по чужой улице.

А я, с трудом вытаскивая ноги из снега, тащилась, плача, за Васечкой, умоляя его вернуться, послушать меня... Но он, не останавливаясь, бежал от меня.

Уже было темно. Улицы безлюдны. Когда я догнала его, то пыталась развернуть его в сторону улицы нашей... Но Васька жирный, сильный, уворачивался из моих маленьких рук без варежек, покрасневших от холода.

Вдруг он пошел в чей-то разгороженный огород, заваленный снегом. Протиснувшись к нему метра на три, провалившись в снег по шею, остановился, растерявшись перед невозможностью идти.

Я пробиралась по снегу, чтоб помочь ему выбраться с огорода.

А Васька, вертя всей своей плотью, расшвыривал снег и, рывком развернувшись, стал выбираться с участка... и, дотащившись до тротуара, остановился.

А я, вытаскивая себя из снега и застрявшие в нем валенки, думала о том, что он пойдет дальше по чужой безлюдной улице, не соображая, куда и зачем... И мне не одолеть его настырность.

Я поняла, что Васька потерян. Решила не бежать за ним. Темно. Страшно. Могу заблудиться, не вернуться домой. Замерзнуть. Где меня будут искать?

Наконец я выбралась с огорода. Пару секунд стоим рядом. словно он ждал меня.

И вдруг Васька пошел в сторону нашей улицы.

Преодолев сугробы перекрестка, побежал по тротуару.

Я не отставала от него. И вот мы добежали до калитки нашего двора. опередив его на шаг, я встала перед его носом и, раскрыв руки, стебельком, который я успе-

ла поднять, направила его морду в открытую калитку. Васька послушно побежал по дорожке во дворе к сараю и шмыгнул в его открытую дверь. И я закрыла ее на задвижку.

Лист мое было в слезах от боли замерзших рук маленьких моих. Войдя в дом, опустила их в ведро с холодной водой, крича и воля от невыносимой боли. И все же была довольна, счастлива, что заметила Ваську. А если бы не увидела, он бы сбежал и пропал. Это было бы очень плохо для семьи. Корова, свинья, куры, утки — этим жили. Корова телилась, свинья поросилась двенадцатью поросятами. Постепенно, оттаивая и успокаиваясь, я, кажется, повзрослела за этот час.

И, отогрвшись у печки, захотела есть. Налила в кружку молоко и поставила ее на плиту погреть. В печке зимой всегда горит огонь. Уголь. Хлеб лежит в красивой, выпукло-разноцветной тарелке, которую однажды принесла в дом мама. Поставив на стол и любуясь ею, сказала: «Китайская. Будет хлебницей».

Красивая посуда — это мамина слабость. Обеденный, чайный сервизы, фужеры, бокалы, рюмки, стопки, розетки — все в серванте.

Съев теплое молоко с теплым хлебом, совсем отогрвшись и успокоившись, я подумала о маме, которая, как только придет с работы, будет сразу готовить ужин. И, взяв нож, я начистила картошку (впервые в жизни), взяла кусок сала из ящика, стоявшего в коридоре, свинину и, вспомнив, как это делают родители, нажарила полную чугунную сковороду этой картошки — на сале с мясом и луком. И вот она уже томится в сторонке на горячих кирпичках печки, дожидаясь родителей.

А к картошке — моченые помидоры, огурцы, квашеная капуста — в бочках. Все заготовлено на зиму еще осенью.

К чаю варенье. Оно всегда на столе в вазе. А запасы его в трех-, пяти- и десятилитровых банках, в ведре: вишневое, смородиновое, из крыжовника, сливовый джем, янтарочное, непременно с черешком — все в огромном сундуке, стоявшем на кухне.

А маме и отцу, когда они придут с работы, надо кормить свиней, доить и кормить корову, готовить корм им на завтра.

Дел невпроворот... Хозяйство. Нормально. В этом жизнь.

Отец говорил: «Нищими в России были только лодыри».

Выключив свет на кухне, открыв дверь комнаты, дотянулась до розетки, и под золотистым абажуром загорелась лампочка. Взяв с этажерки книжку — сказки, — взобралась с ногами на диван крепкий, сиденья и спинки которого отделаны кожей, на пружинах. Попрыгаешь на нем — удовольствие.

Около дивана дремлет роза пушистая. Ее ветви, листья задрапировали угол и окно комнаты. Летом она

осчастливит маму нежной, алой, ароматной розой. Полюбоваться ее будет заходить соседки.

Рядом с розой высокий крупнолистый фикус, а рядом с ним еще какой-то большой дивоцвет.

Листая страницы книги, с интересом рассматриваю рисунки сказок. Вот — Иванушка-дурачок на печи, гуси-лебеди, избушка на курьих ножках, и слагаю из букв слово...

В доме тихо. Только тиканье часов, висящих на стене, гирьки, которые периодически подтягивают.

Стук калитки, скрип снега вдоль стены со двора, на ступеньках топот обуви, избавляющейся от снега, скрип двери прихожей, открывается дверь кухни, щелчок и — свет лампочки, голоса пробуждают дремлющий в тишине дом.

Гремят ведра, кастрюли...

— Ты не закрыл дверь закуты, — говорит отцу вернувшаяся уже из сарая мама.

— Я закрывал, — возражает он и несет корм свиньям.

— Значит, он опять носом открыл щеколду, гуляка, — возмущается мама.

Берет ведро, свечку, спички, ведро с теплой водой — обмыть вымя, полотенце — протереть его, и идет в сарай доить корову. Подоив, процеживает молоко — и как всегда: «Алена... иди-и».

И, ненавидя парное молоко, я иду и выпиваю стакан этого молока. Потом сажусь на табуреточку у горячей стены печки, облицованной белым и голубым кафелем. Теплее.

Подожду... После ужина папа войдет в комнату и сядет за круглый стол, и я взберусь на стул. Он просмотрит газету, а потом будет читать вслух: про царевну-лягушку, или о попе и работнике его Балде, как солдат из топора кашу варил, про золотую рыбку, у лукоморья, где царь Кашей над златом чахнет. Все — сказочно. Слушать бы и слушать...

Вот и тетушка пришла с работы, и за ужином сплетется ими ненаветный узор прошедшего дня.

— Тихо! Тихо! Погода, — говорит мама, быстро идет к радио и усиливает громкость. Все замирают.

Прослушав сводку погоды, обсудив ее, уменьшают звук радио, по которому объявили: «Танец маленьких лебедей из балета Чайковского “Лебединое озеро”».

Хорошо... когда все дома.

Записано в августе 2014 года, Москва

НЕПОСЛУШАНИЕ

Лето. Ходить на речку без взрослых детям запрещалось. Я могла только скулить, что жарко, очень жарко, окунуться бл... все купаются... Так что ходила на речку только с мамой, а с ней и соседки с детьми, то есть с моими подружками.

Но однажды в жаркий день Галя, Тамара и я, недолго думая, рванули через улицы и с разбега плюхнулись в

речку. Вода у берегов была нам по грудь. А дальше — по пояс взрослым.

Нам было по семь лет. Побарахтавшись, охладившись, а главное — довольные авантюрой, решили бежать домой.

Перед забегом я сняла с себя трусики, чтоб сполоснуть их и отжать. Окунула их в воду — и вдруг они исчезли из моих рук. А из-за песка, перемешанного с водой, ничего не видно. Песок поднимался со дна детьми, отталкивающимися от дна руками и ногами.

Я вышла из воды голенькая. А в этот день на мне, кроме трусиков, ничего не было.

На Гале тоже одни трусики. А на Томе еще и платье. И я прошу Тому дать мне платье или трусики, чтоб добежать до дома. Но Тамара категорически отказалась выручить меня. В моей голове мгновенно выстроилась картина побега по двум улицам.

Я была готова бежать голой... а что будет дома за речку...

— Чьи трусы?! Чьи трусы?! — слышу мальчишеский крик, обернулась и увидела мальчишку, стоящего в реке и крутящего над головой мокрой тряпочкой.

— Мои! Мои трусы! — закричала я, спрыгнула с пригорка на берег и в воду.

— Растеряха! Вот! — шлепнул он мокрой тряпочкой по моему плечу и плюхнулся в речку, забил ногами, разбрызгивая вверх и во все стороны воду.

Я натянула на себя мокрые трусики, и мы побежали. Одним духом одолели две улицы... и на нашей. Подружки мгновенно нырнули в свои дворы. Я не торопилась.

— Алла! Алла! — слышу голос мамы, идущей со двора на улицу.

Я подбежала к дому.

— Почему трусы мокрые? — подозрительно вглядывается в меня мама.

— Мальчишки облили у колонки...

— Ско-олько ра-аз нужно говорить, чтоб не ходила к колонке, — возмущается мама, возвращаясь во двор.

Я каюсь... обещаю... Стукнула дверь дома. Голоса мамы не слышу. Фу-у... обошлось, слава богу!

Довольная, сажусь под тенистый тополь, листья которого трепетно внимают ленивому дыханию ветерка...

Записано в январе 2015 года, Москва